

Василий Чепелев

Чепелев Василий Владимирович родился 20.08.1977 в Свердловске. Окончил Уральскую медицинскую академию. Публиковал стихи и прозу в журналах «Урал», «Воздух», «Волга», альманахе «Вавилон», сборниках премии «Дебют» и др. Вошел в шорт-лист премии «Дебют» (2000) в номинации «Поэзия». Организатор екатеринбургского поэтического фестиваля «ЛитератураРентген». Выступал также с литературно-критическими статьями. Автор книги стихов «Любовь Свердловская» (Москва, 2008, 300 экз.). Участник АСУП-2,3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов В.Ч.

Традиции, направления, течения: модернизм, неоакмеизм, постмодернизм, постконцептуализм, «новый эпос».

Основные имена влияния, переключки: И. Бродский, Д. Кузьмин, К. Медведев, С. Львовский.

Основные формальные приемы, используемые автором: кинематографическая нарративность, каталогизация, интонация перечисления, использование стереотипов масскульта, интертекст, обращение к близкому кругу поэтов.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: пространство, город Свердловск/Екатеринбург, вещи, предметы потребления, тело, гомоэротика, мальчик, процесс взросления, друзья, процессуальность, любовь, одиночество, поэзия.

Творческая стратегия: культурная разметка пространства.

Динамика: в стихах 3-го тома нарративность дополняется глубинным лиризмом, детально прописанный внешний план – авторефлексией. Ведущими темами становятся любовь, отношения, одиночество.

Коэффициент присутствия: 0,85

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился 20 августа 1977 года. Мой отец, Владимир Павлович, работал слесарем на железной дороге, мать, Любовь Федоровна, работала лаборантом на химическом заводе и часто сидела дома, потому что моя старшая сестра Аня серьезно болела. Семья была большая – кроме мамы, папы и сестры, с нами вместе в четырехкомнатной квартире на самой окраине Свердловска жили бабушка и дедушка.

Получается, что детство мое пришлось на конец Советского Союза, я успел застать абсолютно все октябрятско-пионерские вещи, поскольку для школы в микрорайоне Сортировка учился сильно хорошо и был слишком на фоне большинства заинтересован вокруг происходящим, даже председателем Совета отряда.

При этом, сколько себя помню, главным моим увлечением были книги, и мечтал стать я всегда только писателем. Довольно долго любимым жанром моим были книги о животных – Даррелл, Сетон-Томпсон, разная там «Жизнь животных», журнал «Юный натуралист», и писателем я хотел стать именно таким, пишущим о животных. Чуть позже это прошло, но до сих пор у меня дома живет игуана, путешествующая вместе со мной в своем террариуме по съемным квартирам.

Главных событий моего детства было два. Первое – смерть моей старшей сестры Ани. Как я уже писал, Аня очень серьезно болела, болезнь ее называлась муковисцидоз, и лечить это заболевание не умеют до сих пор. В тринадцать лет Аня умерла. Мне было одиннадцать, и, с одной стороны, мне досталось всё внимание мамы, привыкшей к гиперопеке больного ребенка до этого, а с другой стороны – всё, что я могу назвать словом «детство», довольно резко закончилось на уровне внутреннего ощущения. Второе важное событие – взрыв на станции Свердловск-Сортировочный, который разрушил почти до основания школу, в которой я тогда учился. Помыкавшись года полтора по разным другим школам на окраине, я случайно поступил в лучшую школу Свердловска, гимназию № 9, в которой учились дети руководителей области и города, профессуры, зарождавшегося предпринимательского класса. Но на фоне демократических преобразований существовали вступительные экзамены, по их результатам я прошел, и с восьмого класса учился и существовал совсем в другой среде, начиная с того, что моя школа стояла на центральной площади города.

Поскольку поступал я в гимназию в случайном и неосознанном формате, поступил я в химический класс, и внезапно, за счет того, что уровень

учителей в новой школе был запредельно высок, всерьез увлекся химией и биологией, до такой степени, что занимал призовые места на областных олимпиадах. В результате к середине одиннадцатого класса было понятно, что я могу легко поступить практически без экзаменов, например, на химфак МГУ, не говоря уже об Уральском университете. Но времена были совсем тяжелые – 1993 год, мама моя работала к тому времени медсестрой в больнице, отец по-прежнему слесарем, и совершенно очевидно, что жить в Москве мне было бы не на что и никак, и родители меня отговорили. Так я в первый раз не переехал в любимый город.

И вот я прекрасно помню момент, как сразу после зимних каникул одиннадцатого класса я иду из школы по центральной площади Екатеринбурга и понимаю, что раз в Москву ехать нельзя, то на химфаке или биофаке я учиться не хочу, потому что хочу быть по-прежнему писателем (всю школу я писал, писал сущую ерунду, но писателем стать хотел). Я попытался вспомнить хоть одного писателя-химика, но вспомнил только композитора Бородина. Подумав, куда я могу поступить со своими химией и биологией, чтобы стать писателем, я выбрал медицинский, благо, писателей-врачей я навспоминал предостаточно.

В медицинском институте стало понятно, что основные мои два умения – это всё-таки хорошо говорить и писать, а также – увлекаться. А именно – я увлекся медициной, с одной стороны, и стал всерьез работать над своей медицинской карьерой, а с другой стороны – я увлекся современной литературой, что выражалось в том, что я записался в библиотеку и начал читать все-все «толстые» журналы. Медицинское увлечение привело к тому, что со второго курса я работал медбратом, дежурил ночные смены иногда по три в неделю, спать на них не полагалось, и я читал «Знамя» и «Новый мир». Кроме того, непомерное количество дежурств в сочетании с тем, что жил я с родителями, приводило к тому, что каждое лето я мог ездить в Москву – больница снабжала, кроме всего прочего, раз в год бесплатными железнодорожными билетами – и там покупать книги.

Всё это время я писал. Писал я стихи, которые не показывал никому, потому что, во-первых, было некому, а во-вторых, и в-главных, стихи казались мне плохими, не соответствующими даже средним подборкам в любимых мной «толстяках». Долго и медленно я писал прозу, чуть ли не все шесть медицинских лет.

Любимым моим поэтом был строго Иосиф Бродский. К концу института произошло несколько важных вещей: моим любимым непоэтическим чтением стал жанр «мемуары о Бродском», я встретил троих людей, с которыми мне было возможно поговорить о литературе и показать стихи,

а – главное – мне стало казаться, что мои стихи уже почти приблизились к тому недостижимому уровню, который демонстрировался на страницах журналов. Тремя людьми, с которыми можно было говорить о поэзии, были – все порядком моложе меня – Тарас Трофимов, Артем Шатунов и Лёля Собенина.

Перед последним курсом института я прочитал книгу Бориса Рыжего «И всё такое» и написал на нее завистливую рецензию в одну из городских газет. Потом я прочитал молодежный номер «Урала» и написал и на него завистливую рецензию. Мне было года 23, и у меня не было ни единой публикации. Я решил, что завидовать нехорошо, а стихи мои достаточно уже нестыдные, и разослал их в несколько всё тех же «толстых» журналов. К тому времени я нашел формальное решение – сверхдлинную строку, анжанбеманы, рифмовку первой строки с четвертой-пятой, которое позволяло сказать всё что угодно, но так, что никто ничего не поймет. Скрывал я в своих высказываниях в первую очередь то, что эта лирика гомосексуальная.

Кроме того, появился интернет, и, потратив некоторое время в гостях у друзей, я опубликовал свои тексты на двух сайтах – «Сетевая словесность» и «Периферия», выбрав их из множества других по принципу наибольшей похожести на бумажные издания.

И дальше – я стал писателем в течение полугода. Мечта моя сбылась. Сначала мне пришло письмо из «Ариона» с отказом в публикации, в котором за живой подписью Алексея Алёхина было сказа-

В.Ч. , 2006 г.

но, что «ваши стихи вполне виртуозны в обращении со словом». Потом Сергей Костырко на страницах «Нового мира», обозревая сетевую поэзию, посвятил абзац мне, написав «Я не хочу сказать, что Чепелев переплывает Бродского, но...». Я был счастлив и считал себя очень крутым.

Подборку мою взяли в молодежный номер «Урала» за 2000 год, это была первая бумажная публикация. В редакции я познакомился и подружился с Алексеем Вдовиным и Андреем Ильенковым.

Потом случилась первая премия «Дебют», куда я, повинувшись телевизионной рекламе, отправил стихи, и в которой внезапно попал в тройку финалистов. Приехав в Москву на финал, я окончательно почувствовал себя писателем. В столовой меня узнал в лицо очень мной уважаемый Станислав Львовский, а потом очень уважаемый мной Дмитрий Кузьмин продемонстрировал мне, что, несмотря на, а скорее даже благодаря моим формальным изощрениям, вся суть моих высказываний считывается, и есть люди, которые это реально умеют. В общем, я со всеми подружился в Москве. Помню момент, как Кузьмин спрашивает меня, кто сейчас пишет в Екатеринбурге из молодых, и я ему называю Трофимова, Шатунова и Собенину. Вскоре вышел «Вавилон», в котором мы все четверо были опубликованы.

Вернувшись с «Дебюта», я немедленно получил премию журнала «Урал» за лучшую поэтическую публикацию года и понял, что я теперь хочу и на что имею право: организовать в Екатеринбурге

что-то похожее на поэтическую жизнь, которую увидел в столице.

Организовывалась эта жизнь постепенно. Помогали мне уже упомянутые люди – в первую очередь Лёля Собенина, с которой вместе мы провели Первый фестиваль молодой поэзии Екатеринбурга году в 2001, в стриптиз-клубе «Мастер и Маргарита», а также и Шатунов, и Вдовин, и Ильенков, и Арсений Ли с Аллой Поспеловой, с которыми вместе мы придумали турнир поэтов «Естественный отбор». На этот турнир – а нас уже пустили в Дом писателя – приехали со всей области тридцать с лишним поэтов, в том числе те, которые стали по-настоящему важны в моей поэтической и человеческой биографии.

Это поэты, которые стали моими любимыми авторами, друзьями и коллегами – Елена Сунцова, Наталия Санникова, с которой мы познакомились немного раньше, на совещании молодых писателей Урала под Нижним Тагилом, Денис Суюков, Алексей Сальников, Евгений Сидоров, Екатерина Симонова, все на букву С.

Жизнь пошла именно такая, о которой я мечтал. Всё, что я писал, публиковалось, включая ту самую прозу, которую я писал в институте, и которую собрал в повесть, постоянно проходили какие-то мероприятия и фестивали, я познакомился со всеми и читал столько современных стихов, что казалось, что мир состоит только из них. Все поэты, с которыми я общался, очень сильно влияли на то, что я пишу. Я дружил с москвича-

ми, кроме всего прочего, и читал «Вавилон». Я стал писать проще и с отчетливой рифмой – повлияли тагильчане и, как ни странно, Данила Давыдов, Дмитрий Кузьмин, Станислав Львовский, Линор Горалик, Ксения Маренникова, Татьяна Мосеева.

Потом я прочитал книгу Кирилла Медведева «Всё плохо», потом Денис Сюкосев, которого я считаю чрезвычайно талантливым поэтом, нашел свой способ высказывания, и я, глядя на всё это, стал писать еще и верлибры.

Потом я встретил на поэтическом фестивале человека, которого полюбил, бросил медицину и окончательно стал вести жизнь литератора, зарабатывая статьями в глянцево-журналы, на которые тратил несколько часов чистого времени в месяц, больше, чем работой врача.

Тот мой роман оказался кратким, но привел к роману новому, гораздо более важному и длинному, оставшись на бумаге главным образом стихотворением «Мальчики пахнут маминым «Тайдом». Работал я с тех пор много где, изучил рекламу и маркетинг, даже открывал свое рекламное агентство, но главным стало даже в итоге не писание стихов, а именно вот организация литературной жизни. Из-за этого главного и из-за постоянно бурной личной жизни я еще несколько раз не переехал в Москву, что считаю своей главной ошибкой.

В какой-то момент мне заниматься фестивалями надоело, и тогда Елена Сунцова и Наталия Санникова взяли меня за жабры и заставили заниматься премией для молодых поэтов «ЛитератураРентген», которую придумали Сунцова и Санникова, концепцию которой отточили Дмитрий Кузьмин и Данила Давыдов, а окончательный вид придал я.

Сегодня премия и фестиваль, приуроченный к ней, – главное дело, которым мне приходится заниматься.

В промежутке между всеми этими событиями в издательстве Дмитрия Кузьмина «АРГО-Риск» вышла моя книга «Любовь Свердловская», и так получилось, что впервые я ее представил публике в «Русском самоваре», окончательно закрыв тему *сбычи* литературных мечт.

Мама моя умерла полгода назад прямо на дежурстве в той больнице, где в студенческие времена дежурил я. Отец умер еще раньше.

Стихи я пишу сейчас только о любви, и делаю это благодаря человеку, вот уже четыре года для меня самому важному – Илье. Появившись в моей жизни, он перевернул ее, и, описывая всю вот эту биографию сегодня, я чувствую, что пишу не о себе, а о другом человеке, что настоящий я только начинают жить, и в этой биографии есть и будут какие-то новые главные вещи и воспоминания.

Июль 2012, Екатеринбург.